

Геллерт удовлетворенно кивнул на карту мира, приколотую к стене его кабинета, довольный добавлением Дании и Швеции к завоеванным землям.

Не более чем символическая сила противостояла его собственной при вторжении в каждый из них. В лучшем случае нерешительная попытка угодить тем из ICW, кто будет наблюдать.

Датчане приветствовали его, когда он небрежно шел по волшебным улицам, вдоль которых выстроились его собственные люди.

Геллерта наполнило теплом то, что его приняли таким образом, и подтвердило его веру в то, что он делает.

"Если бы только Альбус мог видеть меня сейчас", - пробормотал он себе под нос. "Войдите", - позвал он, когда раздался стук в дверь.

"Геллерт, Вебер вернулся", - нетерпеливо объяснила Кэсси, входя.

"Тогдапусти его".

Вошел немец, темные круги вокруг его глаз-бусин красноречиво говорили о недосыпании, которое он перенес.

"Присаживайтесь, Вебер", - предложил Геллерт, усаживаясь за свой стол. "Выпить?"

"Это было бы весьма ценно", - вздохнул Вебер.

Геллерт налил мужчине щедрую порцию виски и позволил ему несколько мгновений насладиться согревающим напитком.

Кассиопея, очевидно, не была столь терпелива.

"Итак, что ты выяснил?"

Вебер бросил на нее раздраженный взгляд, прежде чем поставить стакан на стол и вытащить из кармана пиджака свиток пергамента.

"Гарри Эванс", - начал он. "Дата и место рождения неизвестны, происхождение неизвестно. Начал посещать Хогвартс в сентябре 35-го года после того, как летом его оценивала мадам Гризельда Марчбэнкс. Он очень высоко оценил свою СОВУ и ЖАБА. Он так впечатлил свою профессоршу защиты от темных искусств, что она взяла его в ученики, некую Розалину Нотт."

"Нотт?" - спросила впечатленная Кассиопея. "Она исключительная дуэлянтка. Она могла бы стать чемпионкой мира, если бы вместо этого не решила преподавать".

Вебер кивнул.

"Она ушла из спорта после того, как непреднамеренно убила соперника".

"Я полагаю, это объясняет, почему Эванс такой компетентный", - размышляла Кэсси вслух. "Должно быть, она что-то увидела в нем, раз потратила столько времени на полукровку".

Геллерт задумчиво промычал.

"Что-нибудь еще, герр Вебер?"

"После окончания университета он стал инвестором, и довольно успешным. У него есть доли в нескольких процветающих компаниях."

"Тем не менее, он приложил столько усилий, чтобы стать исключительно искусным в обращении со своей палочкой".

Вебер кивнул.

"В этом мало смысла", - прошептал Геллерт самому себе. "Он богат?"

"Вполне", - подтвердил Вебер. "Его богатство увеличивается с каждым днем".

"Значит, ему не нужно работать?"

Вебер фыркнул.

"Если его портфель продолжит расти нынешними темпами, он может уйти на пенсию в течение пяти, возможно, максимум десяти лет".

Геллерт кивнул сам себе.

"И никаких упоминаний о Фламелях?"

"Ничего официального, но нет никаких упоминаний о его происхождении. Я с большим риском обыскал все министерство и наткнулся только на результаты его экзамена. Все остальное было получено в результате моих собственных раскопок."

"Тогда откуда он взялся?"

Эванс быстро становился источником разочарования.

Было общеизвестно, что он был родственником Фламелей и что его родители были убиты, когда он был младенцем, но где он был? Кто были его родители?

"Я не знаю", - раздраженно ответил Вебер.

Это был первый раз, когда мужчине не удалось найти то, к чему он стремился, и это задело бы его гордость.

"И как бы вы предложили нам действовать дальше?"

"Это зависит от вашего собственного усмотрения, - ответил Вебер, - но я считаю, что в данном случае Эванс - неизвестный, которого нельзя оставлять на волю случая. Если он выступит против нас так, как он выступил против мисс Блэк, неизвестно, что может сделать такой человек, как он. Он должен быть устранен при первой же возможности".

Геллерт кивнул в знак согласия.

"Спасибо, Вебер", - сказал он с благодарностью. "Иди и отдохни. Ты это заслужил".

Немец ушел, а Геллерт откинулся на спинку стула, размышляя, как лучше добраться до Эванса.

В Британии он был почти недосыгаем, и это было бы неподходящее место для противостояния

ему.

Нет, нужно было бы принять другие меры, и Геллерт считал, что у него есть идеальное решение.

"Я хочу, чтобы мужчины отправились в Норвегию в течение недели. Когда он будет захвачен, для его удержания потребуется всего несколько сотен человек."

"А что с остальными?" - спросила Кассиопея.

"Я хочу, чтобы половину отправили в Бельгию, а другую половину привезли обратно. Они понадобятся для нашего следующего шага".

"Чтобы разобраться с Эвансом?"

"Отчасти", - подтвердил Геллерт. "Так уж получилось, что его кончина прекрасно впишется в остальные наши планы".

Кассиопея бросила на него вопросительный взгляд, но Геллерт отмахнулся от нее взмахом руки.

Он доверял этой женщине, но сейчас речь шла не о доверии. Ему нужно было быть уверенным в себе в соответствии с планом, который он формулировал, а план, составленный на эмоциях, не годился.

Эванс был умен, и чтобы заставить его врасплох, этого человека нужно было заставить врасплох, подвергнуть опасности, к которой он не мог подготовиться.

Да, план Геллерта был бы идеален, но прежде чем он мог быть приведен в исполнение, его внимания требовали другие вещи.

Эванс должен подождать до поры до времени, пока не осуществляются другие планы и не будут сделаны приготовления к следующему шагу достижения победы.

Этот человек даже не знал бы, что его смерть была частью гораздо большей картины, которая принесла бы Геллерту еще большую известность, чем он уже получил.

Если бы Альбус не противостоял ему после этого, его старый друг никогда бы этого не сделал, и путь к победе был бы почти обеспечен.

Гарри был в Копенгагене, когда люди Гриндельвальда чуть ли не маршем ворвались в страну, чтобы заявить о своих правах. Встреченное сопротивление было жалким, показательным пантомимом.

Местные жители быстро бросали свои палочки, когда им приказывали это сделать, и даже приветствовали, когда Гриндельвальд прибыл некоторое время спустя, чтобы объявить о своей победе здесь и в Стокгольме одновременно.

Гарри мог только разочарованно смотреть на это, задаваясь вопросом, где же чувство национальной гордости.

Вскоре он понял, что дело было не в том, что этого не хватало, а в том, что чувство

самосохранения взяло верх. Ни датчан, ни шведов на самом деле не волновало, кто находится у власти, они просто хотели жить своей жизнью без конфликтов.

Так уж получилось, что Гриндельвальд был первым, кто прибыл сюда из двух враждующих фракций.

Если бы это были люди из ICW, их тоже приветствовали бы в надежде, что насилие, наблюдаемое по всему континенту, не выплеснется на их улицы.

По правде говоря, Гарри не мог винить их, но это освобождение, как настаивал Гриндельвальд на том, чтобы назвать его, не было бы так легко отменить.

Проведя последние недели среди датчан, я понял, что никакого запланированного сопротивления, о котором можно было бы говорить, не было.

Казалось, что контроль над двумя скандинавскими странами нужно будет отобрать у захватчиков без какой-либо помощи со стороны местных жителей.

Гарри разочарованно покачал головой.

ICW, скорее всего, не стала бы утруждать себя этим, если бы это не стало необходимостью.

Казалось, не было никакой спешки направлять сюда людей для защиты людей, и если в слухах, которые он слышал, была хоть капля правды, то вскоре придут немецкие магглы.

Гарри не знал, какое сопротивление они встретят, но он надеялся, что датское правительство не уступит их землю так легко, как их волшебные коллеги.

Его все еще раздражало, как просто они позволили Гриндельвальду распространить свою власть, но еще больше раздражало то, что он потратил так много времени здесь после, надеясь найти какие-либо признаки восстания.

Говорить было не о чем, и вместо того, чтобы заикливаться на этом дальше, Гарри знал, что лучше сократить свои потери и неохотно отчитаться перед Федоровым, чтобы усилия ICW могли быть потрачены там, где они еще были необходимы.

Бросив последний взгляд на оживленный магический район Дании, Гарри прошел сквозь зачарованную стену, отделявшую его соплеменников от магглов, и активировал свой портключ.

Прибыв в штаб-квартиру ICW, он сразу же направился в офис Федорова, разочарованный тем, что у него не было лучших новостей, чтобы сообщить этому человеку.

"Войдите", - приказал знакомый голос его начальника после того, как он постучал. "Ах, Эванс, я уже начал задаваться вопросом, когда ты собираешься зарегистрироваться. Ты последний, кто вернулся."

"Все остальные вернулись?" Гарри спросил.

Федоров кивнул, не в силах скрыть своего облегчения.

"Они это сделали, - подтвердил он, - и я подозреваю, что ваш отчет будет таким же обескураживающим, как и их?"

Гарри глубоко вздохнул.

"Судя по тому, что я видел, и Швеция, и Дания - безнадежное дело", - признался он. "Почти никаких боев не было, когда прибыли люди Гриндельвальда, и теперь все выглядит так, как будто ничего не произошло. Люди занимаются своей повседневной жизнью, единственная разница в том, что за ними наблюдают люди Гриндельвальда, а не их собственные авроры".

"Сколько человек?"

"Не более нескольких сотен, но поскольку обе страны пали, я ожидаю, что подкрепление может прибыть в считанные минуты. Я думаю, что оба они потеряны для нас".

Федоров разочарованно покачал головой.

"Я боялся, что это случится", - фыркнул он. "Нам потребовалось слишком много времени, чтобы укрепить нашу оборону, и теперь мы играем в догонялки. Хотя мне больно это признавать, у нас не было другого выбора, кроме как пойти на несколько тактических жертв, пока мы сосредотачиваемся на защите более важных наций".

"Означает ли это, что Норвегии тоже будет позволено пасть?" Гарри нажал.

"Я так и думал", - недовольно проворчал Федоров. "Если бы это зависело от меня, все было бы по-другому, но, к счастью, это не так. Пришлось сделать трудный выбор, и хотя я морально не могу согласиться с тем, чтобы признать хотя бы одно поражение, я считаю, что были приняты правильные решения. Если Гриндельвальд умен, он захватит Норвегию в ближайшие дни".

Сидеть сложа руки и просто позволять этому происходить было не по душе Гарри, но он был не в том положении, чтобы что-то с этим делать.

Гриндельвальд вступит в силу, и если норвежцы последуют примеру двух других скандинавских стран, они не будут сопротивляться в пользу спасения своих собственных жизней.

Гарри сдулся при этой мысли.

В Польше ему удалось застать людей Гриндельвальда врасплох, но они не попались бы на такое во второй раз, а Гарри, пытающийся противостоять любому количеству посланных людей, был слишком рискован в одиночку.

Как бы ему ни было больно это признавать, Федоров и тот, кто отвечал за тактику, были правы.

"Отдохни несколько дней, Эванс", - настаивал Федоров. "У нас уже есть люди в Норвегии, и если вы понадобится, я пошлю за вами".

Гарри устало кивнул, вставая.

Ему не помешал бы отдых, чтобы прояснить голову. В последнее время он мало спал, и свежеприготовленная еда была бы как нельзя кстати.

Кроме того, ему нужно было написать Минерве и нанести визит Николасу и Перенель, чтобы проверить их и посмотреть, как они справляются со всем, что произошло со времени его последнего визита.

Пережив уже бесчисленные войны, он подозревал, что с ними все в порядке, но он не будет

чувствовать себя в безопасности, зная это, пока не увидит их сам.

Раньше собрания Визенгамота проводились, возможно, раз в месяц, дважды, если нужно было обсудить что-то важное перед следующим. Теперь их проводилось по три в неделю, и хотя Чарлюс был удостоен чести находиться среди других лордов и леди, ему казалось, что много времени тратится впустую.

Это утро было не более чем брифингом, чтобы сообщить им, что британские солдаты, которые сейчас находятся за границей, еще не участвовали ни в каких боевых действиях.

Чарлюс предполагал, что так оно и было, и что если бы была битва, о которой можно было бы говорить, "Ежедневный пророк" осветил бы ее.

По мнению Чарлюса, министерство проявляло чрезмерную осторожность.

Не то чтобы он действительно мог их винить.

Война была последним делом, в которое любая нация хотела быть вовлеченной.

Несмотря на то, что у Чарлюса был только один опыт боя, он не очень хотел испытать это снова, и это только усилило его уважение к отцу.

Лорд Поттер снова покинул Англию, на этот раз на неопределенный срок.

Чарлюс был обеспокоен.

Будучи сыном, он боялся за безопасность человека, который вырастил его, научил многому из того, что он знал о мире и магии.

В любой момент у него могли отнять Уильяма Поттера, но Чарлюс должен был оставаться сильным.

Его мать нуждалась в нем, как и в обязанностях, которые приходили с обязанностями главы семьи Поттеров.

Таким образом, он оказался в приглушенном Косом переулке, в котором заметно не было людей, добровольно предложивших свои услуги на войне.

У Чарлюса было дело, которое нужно было обсудить с гоблинами, еще одна встреча, которой он не ждал с нетерпением, но которая многому научила бы его о семейных финансах.

Его отец настоял на том, чтобы он попросил показать и обсудить счета Поттера в его отсутствие.

Он приближался к банку, когда его внимание привлек кто-то знакомый, выходящий от мадам Малкин, и он ускорила шаг, чтобы догнать ее.

"Мисс Блэк", - позвал он, когда был на небольшом расстоянии.

Женщина остановилась, выражение ее лица стало настороженным, когда она поняла, кто к ней обратился.

"Я сделал что-то, что тебя обидело?" - спросил Чарлюс. "Ты не ответил на мое последнее письмо".

Они двое писали друг другу, что-то, что недавно внезапно прекратилось, и Чарлюс не понимал почему.

Дорея покачала головой и бросила на него извиняющийся взгляд.

"Я думала, что после того, что сделала Кэсси, ты больше не захочешь со мной разговаривать", - смущенно объяснила она.

Чарлюс усмехнулся.

"Я не держу на тебя зла за то, что она сделала", - заверил он ее. "Я знаю, что ты не такая, как она".

Дорея подняла бровь в его направлении.

"Почему ты так уверен?" - с вызовом спросила она.

"Ну, ты не пытался убить меня".

"Пока нет", - заметила Дорея.

Чарлюс ухмыльнулся и широко раскинул руки.

"Ты могла бы, если бы захотела", - предложил он. "Ты мог бы сделать это прежде, чем я смог бы даже приблизиться к своей палочке".

"Не искушай меня, Поттер", - фыркнула Дорея. "Знаешь, моя жизнь была бы проще, если бы я не знал тебя

". "Но, конечно, скучнее".

Дорея прищурила глаза, но согласилась с этим, кивнув.

"Меня предупреждали о высокомерии Поттеров".

"Я думаю, ты имеешь в виду очарование", - поправил Чарлюс.

Дорея промурлыкала.

"Может быть, кто-нибудь сжалился бы над тобой и назвал бы это очаровательным".

"А вот и едкий язык Блэков", - весело отозвался Чарлюс.

"Вы безрассудный дурак, мистер Поттер", - вздохнула Дорея. "Большинство людей слишком напуганы, чтобы говорить со мной. Они по праву боятся того, что Арктур может с ними сделать."

Чарлюс от души рассмеялся.

"Я не боюсь твоего брата".

"Нет, я не думаю, что ты такой".

"А я должен быть таким?"

Дорея покачала головой.

"Нет, он высокого мнения о тебе, но, хоть убей, я не понимаю почему".

"Ой", - простонал Чарлюс, драматично схватившись за грудь.

"Ты действительно придурок", - фыркнула Дорея, направляясь к точке аппарирования.

"Значит ли это, что ты напишешь мне ответ?" - крикнул Чарлюс.

"Я подумаю об этом", - ответила Дорея, вызвав улыбку у наследника Поттеров.

После столкновения с женщиной встреча с гоблинами теперь не казалась такой уж плохой, и Чарлюс направился к банку, чувствуя себя немного бодрее, чем когда он покинул палаты Визенгамота незадолго до этого.

Николас посмотрел на молодого человека, сидевшего перед ним. Никогда за все столетия своей жизни он не видел, чтобы один человек нес столько нош, и уж точно не с такой грацией и силой, как Гарри.

За месяцы, прошедшие с тех пор, как он видел его в последний раз, последние остатки молодости исчезли, и хотя для старого алхимика он все еще был немного больше, чем мальчиком, Гарри вырос в прекрасного мужчину.

С того момента, как он прибыл и ритуал был проведен им самим и его женой, Николас наблюдал, как Гарри становится тем, кем он был сейчас.

Его талант, казалось, не знал границ, но именно эстетика привлекла внимание француза.

Он мог видеть в нем Поттеров, темные и растрепанные волосы и даже линию подбородка. Более высокие скулы, возможно, достались ему от матери, но у Николаса и Перенель они тоже были.

В остальном Николас не мог быть уверен, но в чертах Гарри было неоспоримое семейное сходство.

"Вы жаждете, чтобы война поскорее закончилась".

Гарри кивнул, и Николас усмехнулся про себя.

Как бы сильно он ни вырос, в нем все еще оставалась наивность.

"Я бы не стал надеяться на быстрое решение, Гарри", - настаивал он. "Войны могут затянуться на много лет, и я верю, что это будет одна из них".

"Я тоже", - пробормотал Гарри. "Это только начало, но так много уже произошло".

"И многое другое еще впереди", - ответил Николас. "Все это кажется неудачей за неудачей, но когда начнутся настоящие боевые действия, они не будут такими односторонними. Ваши победы придут, и я не сомневаюсь, что именно вы победоносно выйдете на другую сторону".

"А как насчет остальных?"

Николас понимающе кивнул и ободряюще улыбнулся мальчику.

"Многие погибнут, как и положено на войне. Ты не можешь спасти всех, Гарри, как бы тебе этого ни хотелось."

"Я знаю, - фыркнул Гарри, - но это не значит, что я не буду пытаться".

Николас положил руку на плечо молодого человека.

"Ты уже многое потерял и, возможно, потеряешь еще", - вздохнул он. "Я надеюсь, что этого не произойдет, но ты должен помнить, что никогда не теряешь себя. Во время войны не должно быть никаких сомнений, никаких колебаний. Вы должны быть более безжалостны, чем враг, с которым вы сталкиваетесь. Если вы не готовы поступить с ними так, как они поступят с вами, вы проиграете".

"Я", - ответил Гарри. "С тех пор, как я потерял Сириуса, или когда ритуал был завершен, я без колебаний убивал, когда это было необходимо. Как будто внутри меня есть что-то, что напоминает мне о том, что у меня уже отняли".

"Есть", - указал Николас. "Вы поглотили душу того, кто предпринял шаги, которые никто другой до него не предпринимал, и все это во имя самосохранения, безжалостного и опасного человека, если то, что вы сказали, верно".

"Волдеморт".

Николас кивнул.

"Как бы сильно вы его ни презирали, вы переняли некоторые из его более полезных качеств, а также те, которые присущи мне и моей жене, которые также стремились к нашему собственному бессмертию. В тебе наша кровь и его душа, но ты такой же, каким был всегда. Ты заботаешься о людях, Гарри, и то же самое желание выжить проецируется на тех, кого ты держишь в своем сердце. Как бы сильно вы ни хотели жить, вы не хотите делать это за их счет. Я верю, что именно это придает тебе такую безжалостность".

Гарри кивнул в знак согласия.

"То, что вы также так много потеряли, только подпитывает это", - продолжил Николас. "Именно эту боль и гнев вы черпаете в такой же степени, как и желание увидеть, как выживают те, о ком вы заботитесь. Это желание защитить и гнев, за который вы держались. Это делает тебя очень опасным человеком, которому можно перейти дорогу."

"Я полагаю, что это то, кем я должен быть".

"Это так", - согласился Николас. "Люди не выигрывают войны, пожимая друг другу руки и сражаясь честно".

"Нет, они этого не делают", - размышлял Гарри вслух.

Николас сжал его плечо.

"Итак, ты поел?"

Гарри покачал головой.

"Тогда ты присоединишься к нам за ужином, а потом отдохнешь. Я не позволю, чтобы со мной спорили по этому поводу".

Гарри рассмеялся, когда Николас чуть ли не лягушачьим маршем повел его из библиотеки в столовую, где Перенель, несомненно, готовила еду для их гостя.

Как всегда, женщина души не чаяла в молодом человеке с того момента, как увидела его, убедилась, что он невредим, и усадила его за стол, где наблюдала, как он ест, пока не убедилась, что с него хватит.

"Тебе нужно побриться, Гарри", - неодобрительно сказала она. "Ты знаешь, где находится ванная. Тебе понравится понежиться, а потом ты вернешься и присоединишься к нам за десертом, да?"

Гарри знал, что спорить с Перенель не стоит, и, кивнув, поцеловал женщину в щеку и вышел из столовой.

"Если бы мои волосы уже не были седыми, он был бы причиной того, что они стали такими", - вздохнула Перенель. "Он делает слишком много, Николас".

"Это так, - согласился Николас, - но не наше дело его сдерживать. Ему нужно, чтобы мы были рядом с ним, как место, куда можно убежать от всего, что он делает".

Перенель неохотно кивнула.

"Как ты думаешь, он когда-нибудь познает покой?"

"У меня есть, - уверенно сказал Николас, - но, должно быть, Гарри забирает это себе".

Перенель ничего не сказала и держала свои мысли при себе, потягивая чай.

Гарри вернулся всего через несколько минут.

Он успел побриться, но его волосы были насквозь мокрыми, и он одевался в спешке.

"что это?" - спросил Николас.

"Норвегия захвачена", - сообщил им Гарри. "Я должен идти".

Николас наблюдал, как мальчик собрал свои вещи, поспешно попрощался с ним и его женой и ушел всего через мгновение, оставив взволнованную женщину и мужчину, который хотел бы сделать для него больше.